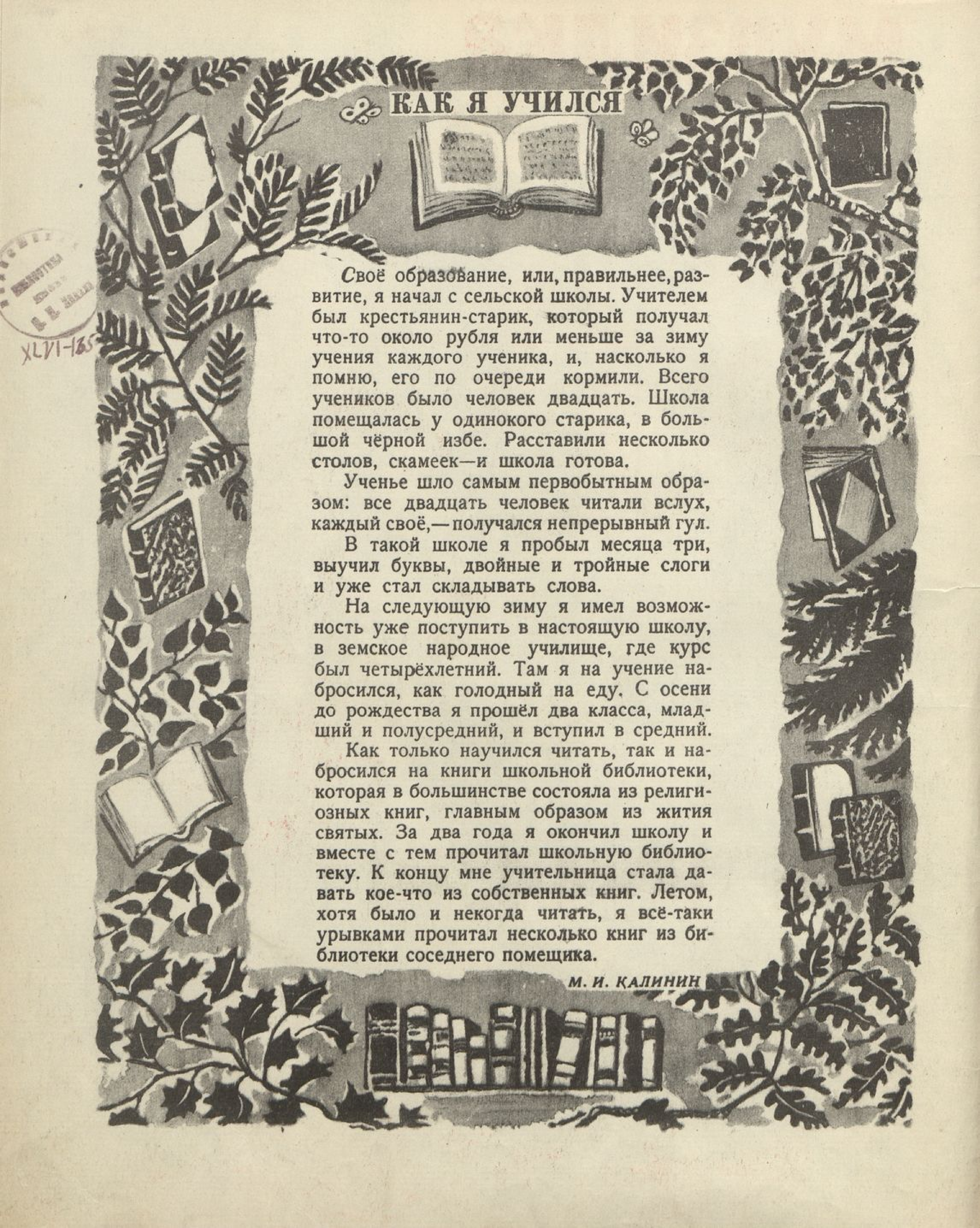

МУРЗИЛКА
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
сентябрь — октябрь 1945
№ 9—10

КАК Я УЧИЛСЯ

Своё образование, или, правильнее, развитие, я начал с сельской школы. Учителем был крестьянин-старик, который получал что-то около рубля или меньше за зиму учения каждого ученика, и, насколько я помню, его по очереди кормили. Всего учеников было человек двадцать. Школа помещалась у одинокого старика, в большой чёрной избе. Расставили несколько столов, скамеек—и школа готова.

Ученье шло самым первобытным образом: все двадцать человек читали вслух, каждый своё,—получался непрерывный гул.

В такой школе я пробыл месяца три, выучил буквы, двойные и тройные слоги и уже стал складывать слова.

На следующую зиму я имел возможность уже поступить в настоящую школу, в земское народное училище, где курс был четырёхлетний. Там я на учение набросился, как голодный на еду. С осени до рождества я прошёл два класса, младший и полусредний, и вступил в средний.

Как только научился читать, так и набросился на книги школьной библиотеки, которая в большинстве состояла из религиозных книг, главным образом из жития святых. За два года я окончил школу и вместе с тем прочитал школьную библиотеку. К концу мне учительница стала давать кое-что из собственных книг. Летом, хотя было и некогда читать, я всё-таки урывками прочитал несколько книг из библиотеки соседнего помещика.

М. И. КАЛИНИН

АЛЕКСАНДР БЛОК

Рис. В. ВЫСОЦКОГО

УЧИТЕЛЬ

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит петушок,
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло.
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит,—
Верно, устал от работы;
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы.

Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребяток,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идёт и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

И. ВАСИЛЕНКО Рис. А. КАНЕВСКОГО

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

В этот день Яша Зуев опять получил единицу за диктант. Но это мало огорчило его. Он не любил знаков препинания и уже привык получать плохие отметки за диктант. Яша забыл об единице сразу же, как пришёл домой.

Ночью он проснулся оттого, что в комнате кто-то чихнул.

— Вася, это ты?—спросил Яша брата.

Но Вася только посапывал во сне.

Внезапно он вскрикнул от испуга. Прямо в воздухе над столом висела и светилась лунным светом какая-то фигурка, похожая на сосульку. Даже капля повисла под нею, как будто сосулька слегка подтаивала.

— Апчхи!..—качнулась сосулька, и от неё во все стороны полетели искристые пылинки.

— Что, товарищ, простудились?—услышал Яша чей-то озабоченный голос.

И вслед за тем от стола отделилась и всплыла вверх другая фигурка, с длинным носом.

— Ах, нет! Просто в Яшиной тетради ужасная пыль. Ужа-асная! А-ап-чхи!

— Товарищи!—забеспокоилась в воздухе сосулька.—Занимайте свои места!

— Вам хорошо говорить—занимайте свои места,—иронически отозвался кто-то на столе.—Этот Яша посадил меня на место Тире, и я никак не могу вырваться. Скобка, помогите мне!

Яше стало страшно, и он натянул себе на голову одеяло. Впрочем, одним глазом он всё же смотрел на то, что происходило в комнате.

Сомнения не было: это собрались его старинные недруги—знаки препинания. Вот Запятая, похожая на согнувшийся коротенький гвоздик с шляпкой-шишечкой. А вон Тире, как светящаяся трубочка, из которых делают буквы для реклам. А этот мячик—Точка.

Знаки расположились в воздухе и о чём-то зашептались. Потом Знак Восклицательный сказал:

— Общее собрание знаков препинания объявляю открытым!

Тире, превратившись в дирижёрскую палочку, ритмично заколебалось в воздухе, и хор весело запел.

Мчится конница лихая
(Здесь, ребята, запятая),
А за конницей лихой
(Здесь не нужно запятой)
По камням грохочет бочка
(Здесь нужна, ребята, точка).

Ни один знак в песенке не был забыт. И каждый, услышав своё имя, немедленно кланялся, на что остальные знаки отвечали грациозным приседанием. Точка не могла ни поклониться, ни присесть. Вместо этого она то раздувалась, то вновь сжималась.

— Внимание! Начинаем!—сказал Знак Восклицательный.—На повестке один вопрос: о взаимоотношении знаков препинания с учеником пятого класса Яковом Зуевым. Яков Зуев, поднимись и стань перед столом!

Ворча под нос: «Залезли в чужую квартиру да ещё командуют», Яша нехотя оделся и стал перед знаками.

— Товарищ Запятая, — продолжал председатель,—ваше слово. Только кратко. А то вы, Запятая, любите распространяться.

— Конечно, конечно, — заторопилась Запятая,—не беспокойтесь, я по существу...

Она чуточку помолчала, погладила себя тоненьким хвостиком по макушке и с чувством начала:

— Высокочтимый товарищ председатель! Самое важное для всякого уважающего себя существа—быть на своём месте. И все мы преисполнены чувства глубочайшей благодарности к тем людям, которые никогда не ставили нас в смешное положение. Вспомните Шекспира, Гёте, Пушкина, Чехова. Как бережно они с нами обращались и как верно мы им за это служили!

— Браво!.. Браво!..—закричали знаки препинания, а точки, ударяясь друг о друга, звонко зааплодировали.

— Подумаешь! — пренебрежительно вздёрнул плечом Яша.

— Невежда!—сердито оборвал его Знак Восклицательный. И, обратясь к Запятой, мягко сказал:—Вы всё-таки, уважаемая, увлеклись. Скажите коротко: каково обращение с вами Якова Зуева?

— Что же сказать?—Запятая склонила набок голову.—Обращение, можно сказать, самое бессмысленное. Например, перед «и» он ни за что меня не ставит, зато перед «что» ставит всегда. И вот получается, что в знаменитой стихотворной строчке «И небо, и звезды, и тучи толпой...» я совершенно отсутствую, а во фразе «Но что там мелькнуло вдали?» я почему-то торчу перед «что».

— Возмутительно!—хором крикнули знаки.

— Ещё что?!—буркнул Яша, отводя в сторону глаза.

— Садитесь, Запятая!—крикнул Знак Восклицательный.—Выражаю вам сочувствие. Точка, ваше слово.

Точка вздохнула, отчего стала вдвое больше, и с тоской сказала:

— Ставит где попало. На-днях учительница продиктовала: «Шли кони. Звонко распевая песни, на них молодцевато сидели всадники». Что же он сделал? Он поставил уважаемую Запятую на моё место, а меня—на место Запятой. И получилось: «Шли кони, звонко распевая песни».

— Выражаю вам сочувствие,—опять поклонился Знак Восклицательный.—Кавычка, вы что имеете сказать?

Кавычка слегка шевельнулась, помолчала и язвительно ответила:

— Что ж сказать... За всю свою сознательную в кавычках жизнь он почти ни разу ко мне не обратился. Даже названия произведений и кораблей он не выделяет мною. Месяц назад он написал: «Полтава заработала винтом и поплыла». А на-днях удивил учительницу новым открытием: «Нос Гоголя имеется во всех библиотеках». Заметьте: и «Нос» и «Полтава»—без всяких кавычек.

— Позор!—закричали знаки препинания, повернувшись в негодовании к Яше. Точка в волнении часто задышала. Знак Восклицательный согнулся и стал похож на Знак Вопросительный. Повсюду запрыгало Многоточие.

— Не хочу вас больше слушать!— крикнул Яша и закрыл уши руками.

Так, с закрытыми ушами, он и стоял, пока докладывали остальные знаки. На секунду заговорил коротенький дефис. Яша приоткрыл уши: он даже не знал, что и такой ещё существует знак. Но, услышав слова «Волга-матушка» и «изба-читальня», поспешил опять заткнуть уши.

Наконец все знаки высказались.

«Что-то теперь будет?» подумал Яша.

— Уважаемые коллеги! — вытянулся Знак Восклицательный. — Какие будут предложения?

— На второй год,—сказала Точка.

— Без допущения к экзаменам?—уточнил Знак Восклицательный.

— Да.

— Гм... — усомнилось Многоточие.— А мы... имеем право?..

— Ага!—живо подхватил Яша.—А права у вас такого нет! Вы кто? Педсовет? А ты кто?—дерзко крикнул он Знаку Восклицательному.—Директор школы?

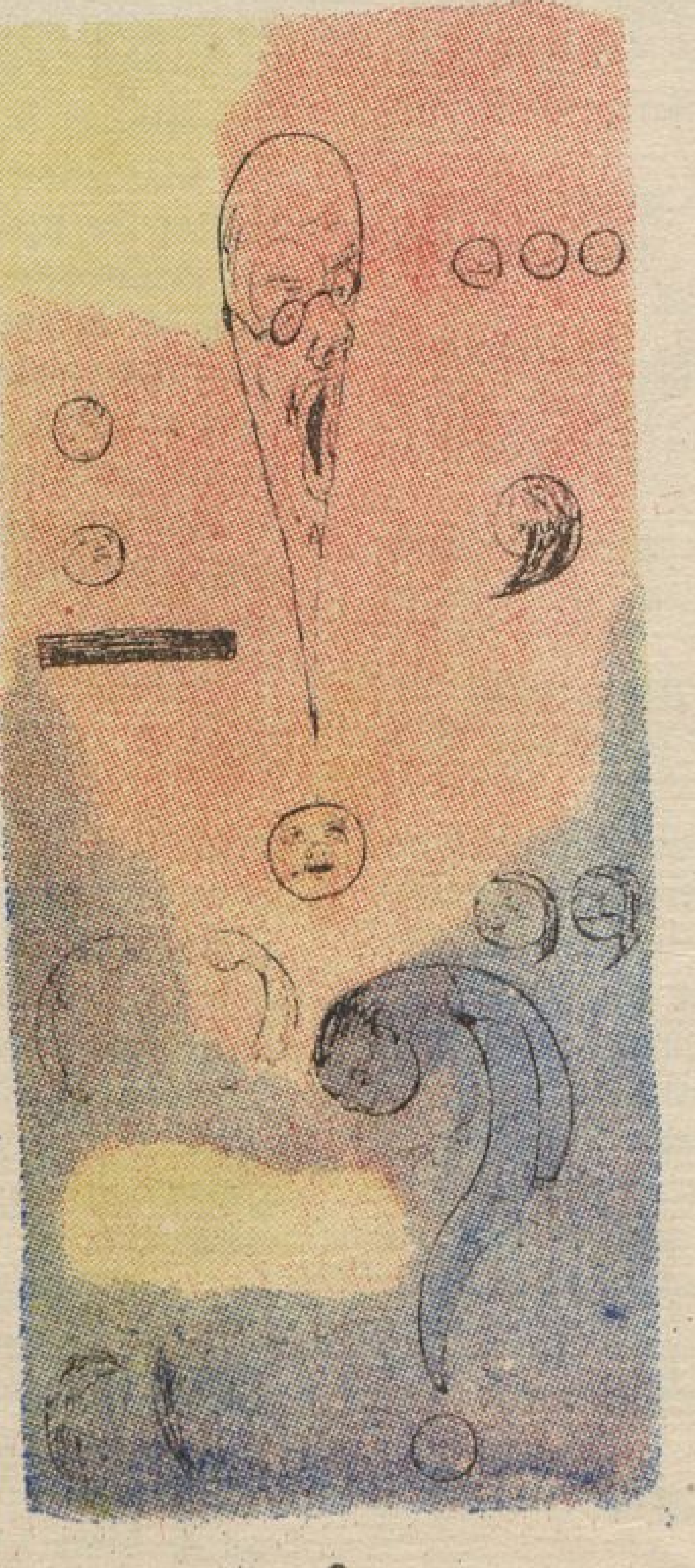
— Замолчи! — вытянулся до самого потолка Знак Восклицательный.— О, дерзкий! Он сажает нас куда попало да нас же и упрекает в этом!

— Товарищи, не волнуйтесь, — скрипуче сказала Скобка — У меня есть предложение, столь же законное, как и справедливое. Ввиду того, что ученик пятого класса Зуев Яков игнорирует нас, мы не будем навязчивыми. Давайте покинем его. По крайней мере, до тех пор, пока он не изменит к нам своего отношения.

— Скатертью дорога! — обрадовался Яша.

Предложение Скобки было поставлено на голосование и принято большинством против одной Точки.

Знак Восклицательный сказал:

— Яков Зуев! Прощай! Нам очень неприятно, даже горестно оставлять тебя. Но оттолкнул нас ты сам. Поскольку у Точки есть своя точка зрения, мы не возражаем, чтобы этот наш товарищ остался с тобой. Прощай, Зуев, прощай!

И тут один за другим знаки стали опускаться вниз. Они касались стола, на котором лежала Яшина тетрадь, и гасли. Только одна точка осталась висеть в темноте, как синяя лампочка при светомаскировке.

«Вот и хорошо,—подумал Яша.—С одной точкой будет куда легче».

И крепко заснул.

Утром, войдя в столовую, Яша сказал:

— Ты мама завтрак. Приготовила мне спасибо.

— Что ты за глупости говоришь?— удивилась мать.

В классе Яша сказал соседу по парте:

— Здравствуй как. Делишки.

И с кем бы он ни заговорил, никто его не понимал.

Сначала ребята думали, что он изобрёл новую игру. Но во всякой игре есть смысл, а в том, что говорил Яша, смысла не было. И ребятам стало неинтересно его слушать.

Потом Яшу вызвал учитель географии. Яша взял указку и, водя ею по карте, стал говорить какой-то вздор. Учитель строго приказал Яше сесть на место.

Яша сел и заплакал.

И тут все поняли, что с Яшей что-то случилось. Его взяли под руки и отвели домой.

Дома, увидя братишку, Яша сказал:

— Вася сейчас кошка. Прыгнула на крышу мама. Дома.

Вася подумал, что Яша сошёл с ума, и от страха забрался под стол.

Когда папа и мама послушали, как разговари-

вает Яша, они сейчас же отвезли его к доктору. Но ни лекарства, ни компрессы не помогали Яше. Тогда мама повела его к другому, потом к третьему доктору.

Так и стал Яша ходить по докторам. Уже на деревьях появились клейкие листочки, уже ребята готовились к испытаниям, штаб дружины начал составлять списки едущих в лагери, а Яша всё ходил от доктора в аптеку и из аптеки к доктору.

И все удивлялись, что лекарства не помогают, и говорили, что Яшин организм лекарств не усваивает.

А Яша слушал и горестно думал: «Ах, какой у меня странный организм!»

И вот дошла наконец очередь до самого главного в городе доктора. Этот доктор знал все болезни на свете. Выслушав бессмысленную речь Яши, он вынул листок бумаги и приказал Яше написать, что с ним приключилось.

«Я поссорился. Со знаками препинания случилась беда. Они. От меня сбежали лекарства. Организм не усваивает».

Доктор прочитал написанное, подумал и сказал:

— Ну, хорошо. Я пропишу тебе новое лекарство. Вот рецепт. Только неси его не в аптеку, а домой. Прочти и сделай так, как сказано в рецепте. А завтра приходи опять.

Яша поклонился и, сказав: «Будьте здоровы до завтра», ушёл.

И хотя Яша пожелал доктору здоровья только на один день, доктор не обиделся, потому что на больных обижаться нельзя.

Дома Яша развернул рецепт. Там было написано:

«Внимательно прочти в грамматике, в каких случаях ставится точка».

Яша достал грамматику и внимательно прочитал всё о точке.

— Ну что? — спросил доктор, когда Яша опять пришёл к нему.—Прочитал? Усвоил?

— Прочитал,—ответил Яша,—и усвоил.

— Вот видишь,—сказал доктор,—значит, неправда, будто твой организм лекарств не усваивает. Ну-ка, сядь да напиши ещё раз то, что ты писал вчера.

Яша сел и написал: «Я поссорился со знаками препинания. Случилась беда. Они от меня сбежали. Лекарства организм не усваивает».

— Прекрасно,—сказал доктор.—Вот тебе ещё один рецепт. Приходи завтра.

— Будьте здоровы,—поклонился Яша.

Потом пришёл домой, прочитал рецепт и принялся внимательно читать всё, что говорилось о запятой.

Так он каждый день приходил к доктору и получал новый рецепт. И все удивлялись чудодейственной силе рецептов: пилюль больной не глотал, компрессов не ставил, а с каждым днём говорил всё выразительнее и умнее. И вот, когда в конце недели учительница предложила Яше прочитать вслух отрывок из «Мёртвых душ», Яша замечательно прочёл его.

Прямо из школы Яша побежал к доктору и показал ему дневник с пятёркой. Доктор сказал:

— Я всегда говорил, что эта болезнь излечима. Важно только её не запускать. А у меня тоже есть новость для тебя,— и он показал Яше письмо.

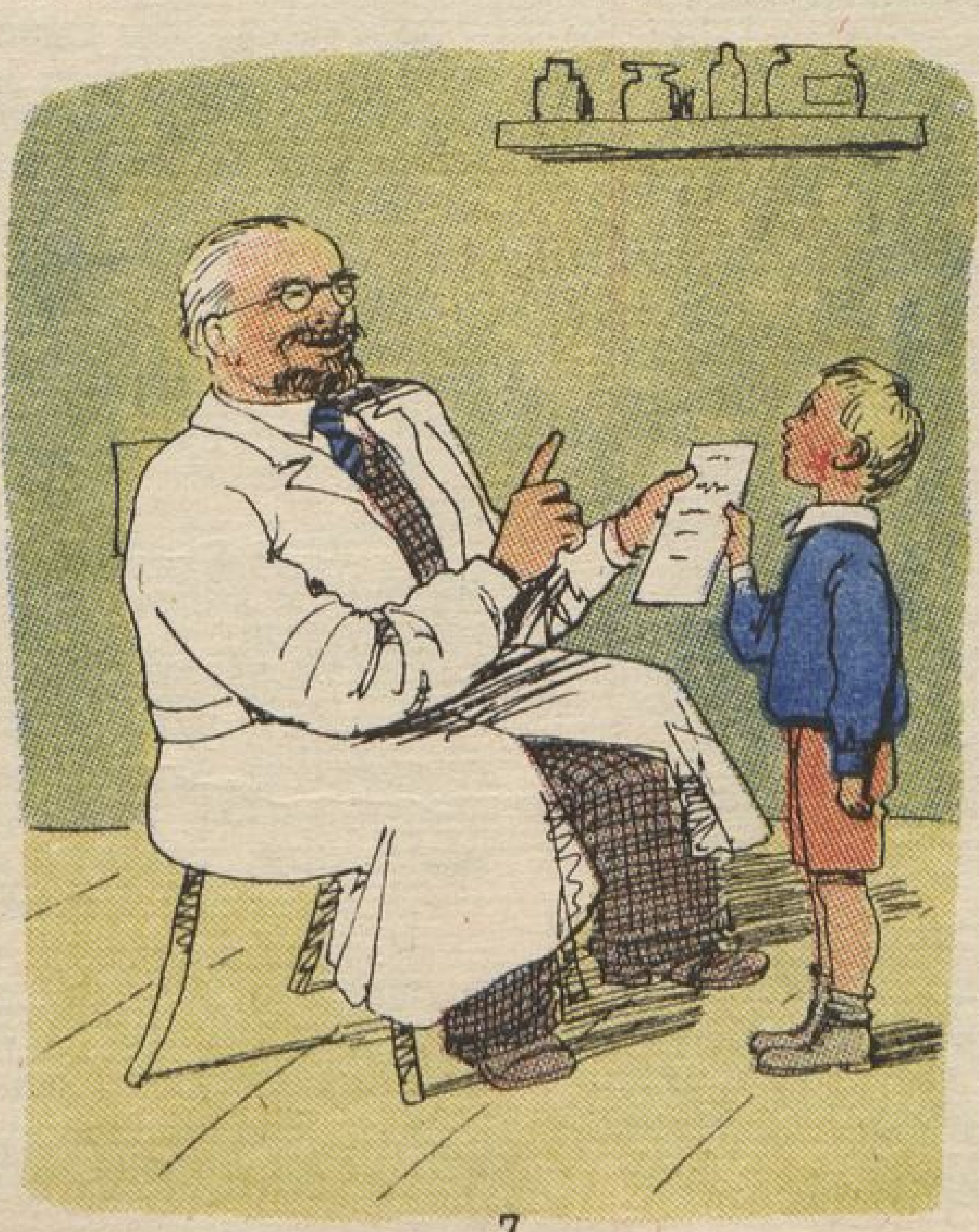
— Это от знаков препинания, — объяснил доктор.—Они выражают мне благодарность и обещают больше с тобой не расставаться.

— А кто подписал?—спросил Яша.—Можно взглянуть?

— Пожалуйста!— И доктор передал Яше листок бумаги.

В конце листка было написано:

По поручению собрания
Знаков препинания
Очень вам признательный
Знак Восклицательный.

П. БАЖОВ

Рис. Д. ДУБИНСКОГО

Голубая змейка

Сказка

Росли в нашем заводе двое парнишечек по близкому соседству: Ланко Пужанко да Лейко Шапочка.

Кто и за что им такие прозванья придумал,— это сказать не умею. Меж собой эти ребята дружно жили. Подстать подобрались. Умишком вровень, силёнкой вровень, ростом и годами тоже. И в житье большой различки не было: у Ланка отец рудобоем был, у Лейка—на золотых песках горевал, а матери, известно, по хозяйству мытарились. Ребятам и нечем было друг перед дружкой погордиться. Рассорки, понятно, случались, да не надолго. Промигаться не успеют, опять вместе.

И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли. Повольготнее таким-то. С малыми не водиться. От снегу до снегу домой только поесть да поспать прибегут. Мало ли в ту пору у ребят всякого дела: в бабки поиграть, в городки, порыбачить тоже, за ягодами, за грибами сбегать, все горочки облазить, пенёчки на одной ноге обскакать... Утянутся из дому с утра — ищи их! Только этих ребят не больно искали. Как вечером прибегут домой, так на них поварчивали:

— Пришёл, наше шатало! Корми-ко его!

Зимой по-другому приходилось. Зима, известно, всякому зверю хвост подожмёт и людей не обойдёт. Ланка с Лейком зима по избам загоняла. Одежонка, видишь, слабая, обувка жиденькая, — недалеко в них ускочишь. Только и хватало тепла из избы в избу перебежать.

Чтоб большим под руку не подвёртываться, забьются оба на полати да там и посиживают. Двоим-то всё-таки веселее.

Вот раз сидят этак-то, а к Лейковой сестре, Марьюшке, подружки набежали. Время к Новому году подвигалось, а по девичьему обряду в ту пору про женихов ворожат. Девчонки и затеяли такую ворожбу. Ребятам любопытно поглядеть, да разве подступишься! Близко не пускают. Марьюшка по-свойски ещё подзатыльников надавала: «Уходите на своё место!»

Она, видишь, эта Марьюшка, из сердитеньких была. Который год в невестах, а женихов не было. Девушка будто и вовсе хорошая, да маленько косоротенька. Изъян вроде и невелик, а парни всё же браковали её из-за этого. Ну, она и сердилась.

Забились ребята на полати, пыхтят да помалкивают, а девчонкам весело. Золу сеют, муку по столешнице раскатывают, угли перекидывают, в воде брызгаются. Перемазались все, с визгом хохочут одна над другой, только Марьюшке невесело. Она, видно, изверилась во всякой ворожбе, говорит:

— Пустяк это! Одна забава.

Одна подружка на это и скажи:

— По-доброму-то ворожить боязно.

— А как? — спрашивает Марьюшка.

Подружка и рассказала:

— От бабушки слыхала, самое правильное гаданье будто такое. Надо вечером, как все уснут, свой гребешок на ниточке повесить на поветях, а на другой день, когда ещё никто не пробудился, снять этот гребешок, — тут всё и увидишь.

Все любопытствуют, — как? А девчонка объясняет:

— Коли в гребешке волос окажется — в тот год замуж выйдешь. Не окажется волоса — нет твоей судьбы. И про то догадаться можно, какой волосом муж будет.

Ланко с Лейком приметили этот разговор и то смекнули, что Марьюшка непременно так ворожить станет. А оба в обиде на неё за подзатыльники-то. Ребята и сговорились:

— Подожди! Мы тебе припомним!

Ланко в тот вечер домой ночевать не пошёл, у Лейка на полатях остался. Лежат, будто похрапывают, а сами друг дружку кулачонками в бока подтыкают: «Гляди, не усни!»

Как большие все уснули, ребята слышат — Марьюшка в сенки вышла. Ребята за ней — и

углядели, как она на повети залезла и в котором месте там возилась. Углядели—и поскорее в избу. За ними следом Марьюшка прибежала. Дрожит, зубами чакает. То ли ей холодно, то ли боязно. Потом легла, поёжилась маленько и, слышно стало, уснула. Ребятам того и надо. Слезли с полатей, оделись, как пришлось, и тихонько вышли из избы. Что делать, они уже сговорились.

У Ланка, видишь, мерин был, не то чалый, не то бурый, звали его Голубко. Ребята и придумали этого мерина Марьюшкиным гребешком вычесать. На поветях ночью-то боязно, только ребята один перед другим храбрятся. Нашли на поветях гребешок, начесали с Голубка шерсти и гребешок на место повесили. После этого в избу пробрались и крепко-накрепко заснули. Пробудились позднёхонько. Из больших в избе одна Лейкова мать была — у печки топталась.

Пока ребята спали, тут вот что случилось. Марьюшка утром поднялась раньше всех и достала свой гребешок. Видит—волосу много. Обрадовалась — жених кудрявый будет. Побежала к подружкам похвастаться. Те глядят — что-то не вовсе ладно. Дивятся, какой волос чудной. Ни у одного знакомого парня такого не видывали. Потом одна разглядела в гребешке силышко от конского хвоста. Подружки и давай хохотать над Марьюшкой.

— У тебя,—говорят,—женихом-то Голубко оказался.

Марьюшке это за большую обиду. Она разругалась с подружками, а те, знай, хохочут. Кличку ей объявили: Голубкова невеста.

Прибежала Марьюшка домой, жалуется матери,—вот какое горе приключилось, а ребята помнят вчерашние подзатыльники и с полатей поддразнивают:

— Голубкова невеста, Голубкова невеста!

Марьюшка тут вовсе разревелась, а мать смекнула, чьих это рук дело, закричала на ребят:

— Что вы, бесстыдники, наделали! Без того у нас девку женихи обходят, а вы её на смех поставили.

Ребята поняли, — вовсе не ладно вышло, давай перекоряться:

— Это ты придумал!

— Нет, ты!

Марьюшка из этих перекоров поняла, что ребята ей такую штуку подстроили, кричит им:

— Чтоб вам самим голубая змейка привиделась!

Хлопнула дверью, выбежала в ограду и давай там лопатой Голубка гонять, будто он в чём провинился. Мать вышла, сперва пристрожила девку, потом в избу увела, уговаривать стала. Ребята видят,—не до них тут, утянулись к Ланку. Забились там на полати и посиживают смирнёхонько. Жалко им Марьюшку, а чем теперь поможешь? И голубая змейка в головёнках застряла. Шопотом спрашивают один у другого:

— Лейко, ты не слыхал про голубую змейку?

— Нет. А ты?

— Тоже не слыхивал.

Шептали-шептали, решили у больших спросить, когда дело маленько призамнётся. Так и сделали. Как Марьюшкина обида позабылась, ребята и давай разузнавать про голубую змейку. Кого ни спросят, те отмахиваются: не знаю, да ещё грозятся:

— Возьму вот прут да отвожу обоих! Забудете о таком спрашивать!

Ребятам от этого ещё любопытнее стало: что за змейка такая, про которую и спрашивать нельзя?

Нашли-таки случай. По праздничному делу у Ланка отец пришёл домой, порядком выпивши, и сел у избушки на завалинке. А ребята знали, что он в такое время поговорить больно охоч. Ланко и подкатился:

— Тятя, ты видел голубую змейку?

Отец, хоть сильно выпивши был, даже отшатнулся, протрезвел и заклятье сделал:

— Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!

Пристрожил ребят, чтоб напредки такого не говорили, а сам всё-таки выпивши, поговорить-то охота. Посидел так, помолчал, потом и говорит:

— Пойдёмте на бережок. Там свободнее про всякое сказывать.

Пришли на бережок, закурил Ланков отец трубку, оглянулся во все стороны и говорит:

— Так и быть, скажу вам, а то ещё беды наделаете своими разговорами. Вот слушайте!

Есть в наших краях маленькая голубенькая змейка, ростом не больше четверти и до того лёгонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет. По траве идёт, так ни одна былинка не погнётся. Змейка эта не ползает, как другие, а свернётся колечком, головёнку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что и не догонишь её. Когда она этак-то бежит, вправо от неё золотая струя сыплется, а влево чёрная.

Одному увидеть голубую змейку прямо счастье, наверняка верховое золото окажется, где золотая струя прошла. И много его. Поверху большими кусками лежит. Только оно тоже с

подводом. Если лишку захватишь да хоть капельку сбросишь, всё в простой камень повернётся. Второй раз тоже не придёшь, потому место сразу забудешь.

Ну, а когда змейка двоим-троим либо целой артелке покажется, тогда вовсе верная беда. Все перессорятся и такими ненавистниками друг дружке станут, что до смертоубийства дело дойдёт.

Да ещё сказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать её всё-таки можно. Как идёт, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Трава, и та под ней не гнётся. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого — чёрная пыль сыплется.

Наговорил этак-то Ланков отец и наказывает ребятам:

— Смотрите, никому об этом не говорите и вдвоём про голубую змейку вовсе даже не поминайте. Когда в одиночку случится быть и кругом людей не видно, тогда хоть криком кричи.

— А как её звать? — спрашивают ребята.

— Этого, — отвечает, — не знаю. А если бы знал, тоже бы не сказал, потому опасное это дело.

На том разговор и кончился. Ланков отец ещё раз настрого наказал ребятам помалкивать и вдвоём про голубую змейку даже не поминать.

Ребята сперва сторожились, один другому напоминал:

— Ты, гляди, про эту штуку не говори и не думай, как со мной вместе. В одиночку надо.

Только как быть, когда Лейко с Ланком всегда вместе и голубая змейка ни у того, ни у другого с ума нейдёт? Время к теплу подвинулось. Ручейки побежали. Первая весенняя забава — около живой воды повозиться: лодочки пускать, запруды строить, меленки водой крутить. Улица, по которой ребята жили, крутиком к пруду спускалась. Весенние ручейки тут скоро сбежали, а ребята в эту игру не наигрались. Что делать? Они взяли по лопатке да и побежали за завод. Там, дескать, из лесу ещё долго ручейки бежать будут, на любом доиграть можно. Так оно и было. Выбрали ребята подходящее место и давай запруду делать, да поспорили, кто лучше умеет. Решили на деле проверить: каждому в одиночку плотинку сделать. Вот и разошлись по ручью-то: Лейко пониже, Ланко повыше, шагов, поди, на полсотни. Сперва перекликались:

— У меня смотри-ко!

— А у меня! Хоть завод строй!

Ну всё-таки работа. Оба крепко занялись, помалкивают, стараются, как лучше сделать. У Лейка привычка была что-нибудь припевать за работой. Он и подбирает разные слова, чтобы всклад вышло:

> Эй-ка, эй-ка, голубая змейка!
> Объявись, покажись, колёсиком покрутись!

Только пропел, видит — на чего с горки голубенькое колёсико катится. До того лёгонькое, что сухие былинки, и те под ним не сгибаются. Как ближе подкатилось, Лейко разглядел — это змейка, колечком свернулась, головёнку вперед уставила да на хвостике и подскакивает. От змейки в одну сторону золотые искры летят, в другую—чёрные струйки брызжут. Глядит на это Лейко, а Ланко ему кричит:

— Лейко, гляди-ко, вон она, голубая змейка!

Оказалось, что Ланко это же самое видел, только змейка к нему из-под горки поднималась. Как Ланко закричал, так голубая змейка и потерялась куда-то. Сбежались ребята, рассказывают друг другу, хвалятся:

— Я и глазки разглядел!

— А я хвостик видел. Она им упрётся — и подскочит.

— Думаешь, я не видел? Из колечка-то чуть высунулся.

Лейко, как он всё-таки поживее был, побежал к своему прудику за лопаткой.

— Сейчас, — кричит, — золота добудем!

Прибежал с лопаткой и только хотел ковырнуть землю с той стороны, где золотая струя прошла, Ланко на него налетел:

— Что ты делаешь? Загубишь себя! Тут, поди-ко, чёрная беда рассыпана!

Подбежал к Лейку и давай его отталкивать. Тот своё кричит, упирается. Ну, и разодрались ребята. Ланку с горки сподручнее, он и оттолкнул Лейка подальше, а сам кричит:

— Не допущу в том месте рыться! Себя загубишь. Надо с другой стороны!

Тут Лейко опять набросился:

— Никогда этого не будет! Загинешь там. Сам видел, в ту сторону чёрная пыль сыпалась.

Так вот и дрались. Один другого остерегают, а сами тумаки дают. До рёву дрались. Потом разбираться стали да и поняли, в чём штука: видели змейку с разных сторон, потому правая с левой и не сходятся. Подивились ребята.

— Как она нам головы закружила! Обоим навстречу показалась. Насмеялась над нами, до драки довела, а к месту и не подступишься. В другой раз, не прогневайся, не позовём.

Решили так, а сами только о том и думают, чтоб ещё раз поглядеть на голубую змейку. У каждого на уме и то было, не попытать ли в одиночку. Ну, боязно да и перед дружком как-то нескладно. Недели две о голубой змейке не разговаривали. Лейко начал:

— А что, если нам ещё раз голубую змейку позвать? Только чтоб с одной стороны глядеть.

Ланко добавил:

— И чтоб не драться, а сперва разобрать, нет ли тут обмана какого.

Сговорились так, захватили из дому по кусочку хлеба да по лопатке и пошли на старое место. Весна в том году дружная стояла. Прошлогоднюю ветошь всю зелёной травой закрыло. Весенние ручейки давно пересохли... Цветов много появилось. Пришли ребята к старым своим запрудам, остановились у Лейкиной и начали припевать:

Эй-ка, эй-ка, голубая
змейка!
Объявись, покажись,
колёсиком покрутись!

Стоят, конечно, плечо в плечо, как уговорились. Оба босиком, по тёплому времени. Не успели кончить припевку, от Ланковой запруды показалась голубая змейка. По молодой-то траве скорёхонько поскакивает. Направо от неё густое облачко золотой искры, налево — такое же густое — чёрной пыли. Катит змейка прямо на ребят. Они уж разбегаться хотели, да Лейко смекнул, ухватил Ланка за пояс, поставил перед собой и шепчет:

— Не гоже на чёрной стороне оставаться!

Змейка всё же их перехитрила: меж ног у ребят прокатила, у каждого одна штанина золочёной оказалась, другая — как дёгтем вымазана. Ребята этого и не заметили, смотрят, что дальше будет. Голубая змейка докатила до большого пня и тут куда-то подевалась. Подбежали, видят: пень с одной стороны золотой стал, с другой черным-чернёхонек и тоже твёрдый, как камень. Около пня дорожка из камней: направо — жёлтые, налево — чёрные.

Ребята, конечно, не знали вескости золотых камней.

Ланко сгоряча ухватил один и чует: ой, тяжело, не донести такой, а бросить боится. Помнит, что отец говорил: сбросишь хоть капельку, всё в простой камень перекинется. Он и кричит Лейку:

— Поменьше выбирай, поменьше! Этот тяжёлый!

Лейко послушался, взял поменьше, а он тоже тяжёлым показался. Тут он понял, что у Ланка камень вовсе не под силу, и говорит:

— Брось, а то надорвёшься!

Ланко отвечает:

— Если брошу, всё в простой камень обернётся.

— Брось, говорю! — кричит Лейко, а Ланко упирается: нельзя.

Ну, опять дракой кончилось. Подрались, наревелись, подошли ещё раз посмотреть на пенёк да на каменную дорожку, а ничего не оказалось. Пень, как пень, а никаких камней, ни золотых, ни простых, вовсе нет. Ребята и судят:

— Обман один эта змейка, никогда больше думать о ней не будем.

Пришли домой, там им за штаны попало. Матери отмутузили того и другого, а сами дивятся:

— Как-то им пособило и вымазаться на один лад! Одна штанина в глине, другая — в дегте! Ухитриться тоже надо!

Ребята после этого вовсе на голубую змейку осердились:

— Не будем о ней говорить!

И слово своё твёрдо держали.

Раз ребята ходили за ягодами. Набрали по полной корзиночке, вышли на покосное место и сели тут отдохнуть. Сидят в густой траве, разговаривают, у кого больше набрано да у кого ягода крупнее. Ни тот, ни другой о голубой змейке и

не подумал. Только видят — прямо к ним через покосную лужайку идёт женщина. Ребята сперва этого в примету не взяли. Мало ли женщин в лесу в эту пору: кто за ягодами, кто по покосным делам. Одно показалось им непривычным: идёт, как плывёт, совсем легко. Поближе подходить стала, ребята разглядели — ни один цветок, ни одна травинка под ней не согнутся. И то углядели, что с правой стороны от неё золотое облачко колышется, а с левой — чёрное. Ребята и уговорились:

— Отвернёмся. Не будем смотреть! А то опять до драки дойдёт.

Так и сделали. Повернулись спинами к женщине, сидят и глаза зажмурили. Вдруг их подняло. Открыли глаза, видят: сидят на том же месте, только примятая трава поднялась, а кругом два широких обруча — один золотой, другой чёрно-каменный. Видно, женщина обошла их кругом да из рукавов и насыпала. Ребята кинулись бежать, да золотой обруч не пускает: как перешагивать — он и поднимается и поднырнуть тоже не дает. Женщина смеётся:

— Из моих кругов никто не выйдет, если сама не уберу.

Тут Лейко с Ланком взмолились:

— Тётенька, мы тебя не звали.

— А я, — отвечает, — сама пришла поглядеть на охотников добыть золото без работы.

Ребята просят:

— Отпусти, тётенька, мы больше не будем. И без того мы два раза подрались из-за тебя!

— Не всякая,—говорит, — драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за корысти либо жадности, а друг дружку охраняли. Недаром золотым обручем от чёрной беды вас отгородила. Хочу ещё испытать.

Насыпала из правого рукава золотого песку, из левого чёрной пыли, смешала на ладони, и стала у неё плитка чёрно-золотого камня. Женщина эту плитку прочертила ногтем, и она распалась на две ровнёшенькие половинки. Женщина подала половинки ребятам и говорит:

— Коли который хорошее другому задумает, у того плиточка золотой станет, коли — пустяк, выйдет бросовый камешек.

У ребят давно на совести лежало, что они Марьюшку сильно обидели. Она хоть с той поры ничего им не говаривала, а ребята видели — стала она вовсе невесёлая. Теперь ребята про это и вспомнили, и каждый пожелал:

— Хоть бы поскорее прозвище «Голубкова невеста» забылось и вышла бы Марьюшка замуж.

Пожелали так, и плиточки у обоих стали золотые. Женщина улыбнулась:

— Хорошо подумали. Вот вам за это награда.

И подаёт им по маленькому кожаному кошельку с ременной завязкой.

— Тут, — говорит, — золотой песок. Если большие станут спрашивать, где взяли, скажите прямо: «Голубая змейка дала да больше ходить за этим не велела».

Поставила женщина обручи на ребро, облокотилась на золотой правой рукой, на чёрный — левой и покатила по покосной лужайке. Ребята глядят, — не женщина это, а голубая змейка, и обручи в пыль перешли: правый — в золотую, левый — в чёрную.

Постояли ребята, запрятали свои золотые плитки да кошелёчки по карманам и пошли домой. Только Ланко промолвил:

— Не жирно всё-таки отвалила нам золотого песку.

Лейко на это и говорит:

— Столько, видно, заслужили.

Дорогой Лейко чует — сильно потяжелело у него в кармане. Еле вытащил свой кошелёк—до того он вырос. Спрашивает у Ланка:

— У тебя тоже кошелёк вырос?

— Нет, — отвечает, — такой же, как был.

Лейку неловко показалось перед дружком, что песку у них не поровну, он и говорит:

— Давай отсыплю тебе.

— Ну что ж, — отвечает, — отсыпь, если не жалко.

Сели ребята близ дороги, развязали свои кошельки, хотели выровнять, да не вышло. Возьмёт Лейко из своего кошелька горсточку золотого песку, а он в чёрную пыль перекинется. Ланко тогда и говорит:

— Может, всё то опять обман?

Взял щепотку из своего кошелёчка. Песок, как песок, настоящий золотой. Высыпал щепотку Лейку в кошелёк — перемены не вышло. Тогда Ланко и понял: обделила его голубая змейка за то, что пожадничал на даровщину. Сказал об этом Ланку, и кошелёк на глазах стал прибывать. Домой пришли оба с полнёхонькими кошельками, отдали свой песок и золотые плиточки семейным и рассказали, как голубая змейка велела.

Все, понятно, радуются, а у Лейка в доме ещё новость: к Марьюшке приехали сваты из другого села. Марьюшка веселёхонько бегает, и рот у неё в полной исправе. От радости, что ли? Жених, верно, какой-то чубарый волосом, а парень весёлый, к ребятам ласковый. Скоренько с ним сдружились.

Голубую змейку с той поры ребята никогда не вызывали. Поняли, что она сама наградой прикатит, если заслужишь, и оба удачливы в своих делах были. Видно, помнила их и змейка, и чёрный свой обруч от них золотым отделяла.

Рис. К. КУЗНЕЦОВА

СДЕЛАЙ СЕБЕ ИГРУШКИ ИЗ КАРТОШКИ

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

РЕДАКТОР — В. БИАНКИ 9 10 сентябрь — октябрь ИЗДАТЕЛЬ — «МУРЗИЛКА»

ПО ДОРОГЕ В ШКОЛУ

Неинтересно, когда от дома до школы близко. Перебежал улицу — и там. Ничего не видел, ничего не слышал, никого не встретил. То ли дело, когда до школы надо сделать целое маленькое путешествие; когда, например, ты живёшь в колхозе, а школа твоя в городе или в другой деревне. Идёшь лесом, полями, степью или берегом реки. Сколько любопытного подметишь тогда по дороге!

Вот что видели наши корреспонденты по дороге в школу.

ПОЛЕМ

Моя дорога в школу идёт полем. Вчера иду и вдруг вижу: передо мной бежит серенькая птичка. Интересная такая: на голове хохолок стоит, как три пальчика. А над полем соколок вьётся: наверно, мышей высматривает. Соколок трепещет крылышками и висит в воздухе, как на нитке подвешенный.

Вдруг он увидал мою птичку.

Как стрела, понёсся к дороге. Я остановился: что будет?

А серенькая птичка ножки сложила, припала в колею. И исчезла. Соколок покружил, покружил над ней и отлетел в поле, опять мышей ловить. Не мог найти мою птичку: она серенькая, дорога пыльная. Даже соколиный глаз не мог заметить серенькую птичку в пыли.

Я рассказал про это в школе учителю. И он мне объяснил, что птичка с тремя пальчиками на голове — хохлатый жаворонок.

Лескор Валя Б. (Тульская область)

ЛЕСОМ

Мы живём в колхозе, а школа наша в городе, недалеко от нас. Дорога идёт смешанным лесом.

Раз мы шли из школы и увидели большую ель с дуплом. Мы палками стали колотить по стволу: хотели узнать, кто там живёт в дупле.

Колотили, колотили, — никто не вылез.

А по дороге шёл один старичок и трубку курил.

— Эх вы! — говорит. — Так никого не выгонишь. Гляди, как надо.

Он сунул свою трубку в дупло. Из трубки дым идёт вверх по стволу, как в трубу.

Вдруг в дупле запищало тоненько-тоненько. Старичок убрал трубку. И из дупла полезли мыши. Только не простые, а с большими перепонками между длинными тонкими пальцами передних лап. Летучие мыши.

Они там спали в дупле.

ПО БЕРЕГУ РЕКИ

Я шёл вдоль реки и вижу: какие-то чёрные змейки извиваются в воде у берега. Я осторожно подкрался и наблюдаю: ворочаются на мели и как-то чудно хлопают ртом. И совсем это не змеи, а рыбы — сазаны. Это я их чёрные спинки принял за змей. Рот у них наполовину в воде, наполовину в воздухе. И рот они открывают и закрывают, — получается хлопанье. Они ворочались на одном месте и почти не передвигались. Я хотел подкрасться ближе — посмотреть, кого они ловят, — но спугнул их.

А. Чернухо-Кондрашев
(Грозненская область)

СТЕПЬЮ

Мы бежали степью в школу. Был сильный ветер, и мы всё время держали шапки на голове, чтобы не сдуло.

Смотрим, что такое: по степи бегут, подпрыгивая, какие-то лёгкие шары — вроде футбольных мячей, но прозрачные.

Пробежали мимо нас через дорогу — и тут мы увидели, что это трава такая, стебельки. Мы очень удивились: растения, а так шибко бегают.

Учитель сказал, что это перекати-поле. Перекати-поле так расселяется: ветер отрывает от корня его стебли с семенами и гонит по степи. Семена и рассыпаются.

Витя Пьянков (Чкаловская область)

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

ЛУЧШИЙ РАЗВЕДЧИК

Однажды два разведчика-артиллериста обнаружили устроенное немцами на переднем их крае укрепление: деревянно-земляную огневую точку, или, как её в армии коротко называют, дзот.

Обнаружить немецкий дзот не так трудно, гораздо труднее узнать — жилой он или нежилой Бывало, что немцы строили такое укрепление для вида, а недалеко делали площадку, ставили орудие и стреляли из него по нашим батареям.

Приходят два разведчика к своему начальнику и рапортуют. Первый разведчик, молодой весёлый артиллерист, говорит:

— На этом дзоте ежедневно сороки бывают. Прыгают, вертятся,— видать, их никто не пугает. Значит, дзот этот —нежилой, а ведёт немец стрельбу с площадки за дзотом. Сразу видно.

— Так, — говорит начальник.— А ты что скажешь?

Второй разведчик — артиллерист, высокий широкоплечий, неторопливый — выступил на шаг вперед.

— Нет, товарищ гвардии капитан, — уверенно сказал он, — я считаю, что дзот этот жилой. Сороки на нём, правда, прыгают, но потом летят не прямо или вверх, как они полетели бы к своему дому, а слетают вниз, к основанию этого самого укрепления. Присмотрелся я—и заметил, что сороки слетают в утренние и обеденные часы и всегда в одно место. Вот и ясно, что дзот — жилой. Немцы живут в нём, пищу готовят, помои выливают, а сороки этого дожидаются и слетают кормиться.

Начальник внимательно посмотрел на разведчика и говорит:

— Долго ли тебе наблюдать пришлось?

— Дней пять проверял, товарищ гвардии капитан. Думаю, будет справедливо.

Пристреляли цель, ударили по дзоту и увидели, что второй разведчик прав: в укреплении разбили пушку, и больше она оттуда не стреляла.

ЗАВТРА — В КЛАСС

Мы с Дружком во двор идём.
Листья сыплются дождём,
Под ногами шелестят
И летят... летят... летят...
Пролетают паутинки
С паучками в серединке,
И высоко от земли
Пролетели журавли.
Всё летит! Должно быть, это
Улетает наше лето.
Мы давно пересмотрели
Все листки в календаре.
Мы считаем дни, недели,—
Нам учиться в сентябре.
Наконец-то в первый раз
Побежим мы завтра в класс!

Е. Трутнева

Картинки к «Лесной газете» рисовал А. Комаров.

ВИТ. БИАНКИ

ГЛУПЫЙ БЕЛЬЧОНОК

Бельчонок прыгал по деревьям — разыскивал орехи, шишки. Выскочил на опушку, видит: поляна; на поляне кустики, берёза, а под берёзой — гриб. Вот бельчонку страсть захотелось отведать гриба; он спустился на землю и поскакал к берёзе.

Известно: глупый ещё, недавно из гнезда. Ещё мало что видел на свете, а понимал и того меньше. Даже и не подумал, как опасно белке скакать по земле, по открытому месту. А от опушки до берёзы было не так уж близко: шагов, наверно, пятнадцать.

Только он доскакал до гриба, — раз! — из кустика впереди остроносая рыжая звериная морда.

Лисья. Да глупый бельчонок не знал, чья. Он никогда ещё не видел лисицы, не знал, какой это опасный зверь для всех малых зверюшек. Вытаращил на лисицу глаза и разглядывает её.

А лисица как бросится на него!

Бельчонок повернулся — и прыг на берёзу...

Для этого-то ему не надо было быть особенно умным. У всех зверей и зверюшек первое правило: нападают — удирай! И узнают они это простое правило, как только у них глаза прорежутся.

Мигом взвился бельчонок на берёзу. Притаился под самой макушкой.

Но лисица была пожилая, опытная. Она хорошо знала все звериные правила. Знала и такое правило: силой не взять — бери хитростью.

Вот она махнула хвостом и пошла себе прочь, будто домой. Прошла так немножко — и шмыг за куст! А куст этот рос как раз между берёзой и опушкой. Лисица и спряталась тут в засаду.

Известно: белкам на берёзах долго делать нечего. На берёзах ни орехов, ни шишек не растёт. Поскачет бельчонок назад в лес — тут она его и сцапает.

Вот бельчонок сидел-сидел на берёзе, — выглянул. Видит: никого нет. Никого-то никого, а спускаться всё-таки страшно: вдруг опять кто-нибудь выскочит?

Что делать? Так хочется в лес...

Бельчонок разбежался по ветке — да прыг прямо на опушку!

Ну, совсем ещё глупый: разве такое расстояние перелетишь по воздуху? Не птица ведь.

Пролетел немножко — и кувырк вниз!

Лисица сидит себе за кустом, караулит, когда он мимо неё по земле поскачет.

Вдруг — фу ты! — летит на неё кто-то с неба!

Рванула со всех ног, — по первому-то правилу, — хвост поджав, наутёк!

Бельчонок упал на куст как раз над тем местом, где она только что сидела. Ветки спружинили, слегка подбросили его, потом он скользнул по ним на землю, не расшибся. Скок-скок-скок в лес — и на дерево.

Лисица опомнилась, прибежала назад, а его уж и след простыл.

Вот до чего глупый бельчонок: ведь чуть не до полусмерти напугал пожилую, опытную лисицу!

Разве так можно?

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

СЕНТЯБРЬ НАСТУПИЛ

Наступил сентябрь, первый осенний месяц.

Странное слово — «сен-тябрь».

— Знаешь ли ты, почему мы так называем начало осени?

По-английски сентябрь будет september, по-французски — septembre. Видишь, каждый народ называет этот месяц почти одинаково.

Слово «сентябрь» произошло от древнеримского слова «septem», что значит «семь». Странно! Почему же «семь»? Ведь сентябрь—девятый месяц в году.

Да, он девятый у нас, потому что у нас новый год начинается с первого января. А в древнем Риме год начинался с первого марта. Сентябрь был там седьмым месяцем. Следующий месяц — октябрь — назывался по слову «окто», что по-латыни значит «восемь». Затем шли «новембер» («новем» — девять) и «децембер» («децем» — десять).

Эти названия и мы, русские, взяли себе, приспособив их к своему языку: октябрь, ноябрь, декабрь. Но это случилось лет триста назад. А как же раньше назывался у нас первый месяц осени? Наши предки именовали его «рюен», «зарев» или «ревун». Видимо, их больше всего удивлял вой и рёв сентябрьского ветра. Узнайте, как по-древнерусски назывались остальные месяцы года, и напишите нам.

«ЧЁРНЫЕ КРАСНИЛА»

«Чёрных краснил» ты, наверное, никогда и нигде не видел и даже не знаешь, что это такое. Неудивительно: такой вещи и вовсе нет на свете, да и не может быть. В самом деле: если они чёрные, так какие же они «краснила»? Если это «краснила», то как же они могут быть чёрными?

Но почему же бывают «красные чернила»? Или зелёные, синие, фиолетовые?

Чтобы понять это, надо узнать историю чернил.

Лет сто назад чернила приготовляли из дуба.

На листьях дуба есть странные круглые орешки, они точно прилипли к листкам.

Эти орешки — особая болезнь дубового листа. Если бы ты набрал этих орешков, высушил их, а потом положил в банку и обварил кипятком, получилась бы желтоватая жидкость, вроде чая. А если бы ты бросил в банку несколько ржавых гвоздей, жидкость стала бы совершенно чёрной. У тебя получились бы чернила, чёрные чернила.

Очень долго люди умели приготовлять только такие чёрные чернила из дубовых орешков. Но потом научились готовить другие краски для писания — красные, синие, зелёные. Однако привычка к старому слову сохранилась; все эти разноцветные жидкости стали называться «чернилами», а маленькие сосуды, в которых они хранятся,— «чернильницами».

АЗ И БУКИ

Раньше каждая буква называлась иначе, чем у нас. Первая буква «а» называлась «аз», вторая «б» — «буки». От этих двух букв и пошло слово «азбука». Букву «в» звали «веди», что значит: «знай, ведай». Буква «г» называлась «глаголь», то есть: «говори». Предкам нашим казалось, что так легче запомнить хитрую книжную премудрость. Теперь всё это давно забыто. Воспоминание об этих забавных именах букв осталось только в слове «азбука». Но тот из вас, кто будет моряком, увидит, что во флоте старых русских букв не забыли. Вот красный с белым флажок. Он означает букву «а», а называется «аз». Вот белый треугольник с красной точкой. Это «буки» — «б». Жёлтый флажок значит «д» и зовется «добро». Флажок этот поднимается на мачте в тех случаях, когда нужно дать другому кораблю какое-либо разрешение, например на выход в море. Поэтому моряки не говорят: «Я получил позволение итти», а говорят: «Мне дали «добро» на отход».

А флажок, голубой с белой полоской в середине, означает букву «р» и по-старинному доныне называется «рцы». Поэтому, если вы придёте на корабль, то не удивляйтесь, когда услышите такие слова: «Кто взял мои «рцы»? Или: «Надо бы мои «рцы» выстирать». Это значит: надо выстирать бело-голубую повязку, которую носит на рукаве моряк-дежурный. Она такая же, как флаг буквы «р», и тоже называется «рцы».

Так на флоте сохраняется память о той азбуке, которая была у наших предков.

АБВГ

Морской охотник

Рис. М. БУТРОВОЙ

(Окончание)

Н. ЧУКОВСКИЙ

ОТКРЫТИЕ

Что же стало с Катей?

Выскочив из пещёры, она побежала вниз по тропинке, как ей велел Макар Макарыч. Пробежав несколько шагов, она услышала взрыв второй гранаты и остановилась.

Она была уверена, что Макар Макарыч побежит вслед за нею, и решила подождать его. Ей даже показалось, что она слышит шум шагов наверху, на площадке перед пещерой.

Но потом всё стихло.

Она долго стояла, ожидая и прислушиваясь, так долго, что у неё затекли ноги. Но ничего не было слышно, и Макар Макарыч не появлялся.

«Что случилось? Он убит? Или ранен? Или попал в плен?»

С каждым мгновеньем Катина тревога росла и росла. Она чувствовала, что не может уйти, не узнав, что с ним, не попытавшись ему помочь.

И наконец, не выдержав, она медленно двинулась назад, к пещере. Она шла осторожно, останавливаясь на каждом шагу и прислушиваясь. Но всё было тихо попрежнему. Крадучись, прижимаясь к отвесному каменному склону горы, вышла она на площадку перед пещерой. На площадке никого не было.

Она долго не решалась заглянуть в пещеру. Небо стало слегка светлеть, и звёзды сияли уже не так ярко. Она теперь смутно различала скалы и кручи, которые раньше были не видны. Приближение рассвета испугало её: как пойдёт она к катеру при дневном свете? Надо спешить.

Она осторожно заглянула в пещеру.

Угли всё ещё тлели, но гораздо тусклее, чем раньше. Однако и при тусклом их свете она сразу разглядела двух немцев, лежавших возле самого костра. Они лежали, не двигаясь, странно раскинув руки и ноги. Они были мёртвы.

Катя никогда не видела мёртвых так близко, и ей стало жутко. Может быть, Макар Макарыч тоже лежит где-нибудь здесь, возле них, такой же неподвижный, и только свет до него не доходит?.. А может быть, он жив и лишь не в силах итти?..

Ни звука не доносилось из пещеры. И Катя вошла в неё.

Она жалась к стенке, стараясь держаться подальше от трупов. Здесь, возле входа, в освещённой части пещеры, Макара Макарыча не было. Нет ли его там, в тёмной глубине?

В глубине пещеры Катя не была никогда. Там даже в самые солнечные дни стоял вечный мрак, и она, играя, боялась отдаляться от входа. Но теперь нужно было войти в этот мрак.

Она нашла на полу несгоревший сук и сунула его в угли. Маленький жёлтый огонёк пополз по суку. Держа горящий сук в вытянутой руке, она медленно двинулась в тёмную глубину пещеры.

Каменные стены постепенно сближались, потолок опускался. Катя оказалась в узком коридоре и уже думала, что пещера вот-вот кончится. Но коридор всё тянулся, мало-помалу заворачивал влево. Оглядываясь, она уже не видела кучи углей у входа. Потом, к её удивлению, стены снова стали расходиться в разные стороны. И внезапно она очутилась в большом подземном зале.

Зал этот был так просторен, что жёлтый огонёк, дрожавший на конце сука, озарял только часть его. Стены и углы тонули во мраке. Здесь было сыро, тихо и жутко. И внезапно в этой жуткой мёртвой тишине Катя явственно расслышала слабый, приглушенный стон.

Она вздрогнула, как от удара. Бежать! Она пробежала несколько шагов. Но, пересилив себя, остановилась дрожа.

Стон повторился, слабый, заглушенный. Стонал кто-то совсем близко, вот тут, в темноте. И Катя, высоко подняв свой догорающий факел, осторожно двинулась туда, откуда доносился стон.

Человек лежал на полу, возле каменной стены. Он лежал к Кате спиной, лицом к стене. Всё тело его было обмотано толстой верёвкой. Катя подошла к нему и нагнулась над ним.

Это был моряк, офицер,—пуговицы его кителя блестели. Лицо незнакомое, не очень молодое, заросшее бородой. В широко раскрытый рот его было что-то вставлено, какая-то тряпка. Он не мог произнести ни звука, и только глаза его искоса внимательно глядели на Катю.

Он напрягался всем телом, стараясь порвать верёвку, которая, видимо, мучила его. Катя нагнулась и дотронулась до верёвки огоньком своего сука. Верёвка загорелась и вдруг лопнула.

Моряк опять напрягся всем телом, и верёвка

вся целиком сползла с него. Он медленно приподнялся, сел и прислонился к стене. Потом он вытащил изо рта длинный шерстяной шарф и с наслаждением щёлкнул зубами.

— Кто вы? — спросила Катя.

Он ничего не ответил. Он, видимо, ещё не в силах был говорить. Но Кате и не нужен был его ответ: она и без того знала, что это Манин папа.

КАТЕР УШЁЛ

— Вы можете итти?

— Могу.

Капитан-лейтенант Снегирёв поднялся, опёрся о Катино плечо и, хромая, побрёл вслед за ней в темноте к далёкому выходу из пещеры.

Они уже успели рассказать друг другу всё. Катя теперь знала, как во время десанта капитан-лейтенант был ранен в ногу и в голову и не мог вернуться на катер; как краснофлотец Казаченко самоотверженно остался с ним и отвёл его в эту пещеру, которую они нашли случайно; как они убили одичалого барана, убежавшего в горы из сожжённой немцами деревни, и как они жарили его мясо на костре; как капитан-лейтенант послал Казаченко передать Королькову, где скрывается немецкая подводная лодка, и как за несколько минут до появления Макара Макарыча и Кати на капитан-лейтенанта напали четыре немца, обезоружили его, связали, заткнули ему рот и затащили в самый дальний конец пещеры.

Катя рассказала ему всё, что знала о Мане.

— Ты говоришь, команда катера заботилась о ней и кормила её? — спросил он.

— Я сама видела, как Макар Макарыч принёс ей большой кулёк,— сказала Катя.

Они шли очень медленно, потому что капитан лейтенант плохо владел своей раненой ногой.

— Рана на голове была у меня пустячная, — сказал он. — Пуля только пробила фуражку и слегка меня поцарапала. А нога болит до сих пор.

Наконец за поворотом увидели они выход из пещеры. Там, снаружи, уже совсем рассвело. Дневной свет озарял всю переднюю часть пещеры. Угли остыли и теперь лежали чёрной кучей. Возле них валялись два убитых немца. Катя боязливо старалась держаться от трупов подальше, но капитан-лейтенант подвёл её к ним, нагнулся и взял у одного мёртвого немца винтовку и револьвер.

Потом они вышли на площадку перед пещерой. Солнце ещё не встало, но его лучи, как огненные стрелы, торчали из-за горизонта. Здесь, при ярком свете, капитан-лейтенант стал внимательно разглядывать Катю. Он даже взял её за плечи и несколько раз повернул, чтобы лучше рассмотреть.

— Хм...—сказал он.—Девочка, как девочка... Откуда берутся у нас такие девочки?..

Катя смутилась. Ей не нравилось, когда её так внимательно разглядывали. Но капитан-лейтенант вдруг, казалось, забыл о ней. Приподняв лицо, он стал прислушиваться к грохоту пальбы, доносившемуся из-за гор.

— Слышишь? — спросил он. — Вечером этого не было... Знаешь, что это значит? Наши прорвали фронт и гонят немцев за горами!

Он засмеялся. Потом подошёл к краю площадки и посмотрел вниз.

— Гляди! — крикнул он.

Внизу, прямо под площадкой, было море. Но справа видна была часть побережья и большая дорога, тянувшаяся вдоль него. Вся эта дорога была забита грузовиками, орудиями, танками, колоннами солдат в серозелёных шинелях, нестройно, поспешно двигавшимися на запад.

— Немцы уходят с побережья,— сказал капитан-лейтенант.—Они боятся, что их отрежут, и уходят!

Помолчав, он прибавил:

— И нам с тобой надо бы уйти отсюда. Они теперь знают нашу пещеру и напоследок могут заглянуть сюда.

— Вам трудно итти,— сказала Катя. — Но я вам помогу. Опирайтесь покрепче на моё плечо, и мы как-нибудь через сады и заросли доберёмся до катера.

— До катера? — усмехнулся он. — Вон где наш катер!

Огромный шар солнца вставал из-за моря. И катер, подскакивая на волнах, нёсся прямо к нему, уменьшаясь.

НА ВЕРАНДЕ

В это утро город проснулся, охваченный необычайной тишиной.

Конечно, это была не полная тишина. Трещали кузнечики, лаяли собаки, гудели, проносясь, автомобили. Но жителям города казалось, что так тихо, будто город опустили на дно моря. Непрерывный гул фронта вдруг умолк. Немцев отогнали от города, и они бежали на запад.

— Хорошо!— говорила Марья Васильевна, Лидина мама.— Даже солнечный свет сегодня какой-то особенный. Но непривычно. Я так привыкла к страху, что даже перестала замечать боюсь я на самом деле или не боюсь. И вдруг тишина, и никто не стреляет, и никого не надо бояться.

Краснофлотцу Казаченко в это утро стало лучше, и он очнулся. Доктор прислал за ним двух санитаров с носилками, которые перенесли его в госпиталь. Лейтенант Корольков зашёл туда навестить его и долго с ним беседовал. Казаченко рассказал Королькову о своей жизни в пещере вместе с капитан-лейтенантом. Корольков рассказал ему, как они потопили подводную лодку и как весь экипаж катера получил благодарность командования. Но ни о бесплодном путешествии

Макара Макарыча в пещеру, ни о пробитой офицерской фуражке он не сказал ему ни слова, — Казаченко был ещё слаб, и доктор запретил его волновать.

А Марья Васильевна, взяв Лиду и Петю, с утра отправилась к Мане, в дом капитан-лейтенанта. И случилось это оттого, что Лида не выдержала и всё рассказала матери.

— Я всё-таки удивляюсь тебе, Лида, — сказала Марья Васильевна. — Ты тоже заразилась этой любовью к тайнам. Ну, как можно было не сказать мне сразу, что тут живёт девочка совсем одна? Где это видано, чтобы девочка жила одна, да ещё в такое страшное время, да ещё круглая сирота, хотя она, бедная, об этом не знает! Я давно бы к ней пошла...

В домике капитан-лейтенанта она прежде всего завладела кухней, стала готовить обед. Потом принялась мыть полы, с грохотом передвигая столы и стулья.

Она мыла пол на веранде, когда в сад вошёл Макар Макарыч. Лида сидела на крыльце и штопала чулок. Петя с рогаткой бегал в саду.

Макар Макарыч был хмур и расстроен до крайности. Лейтенант Корольков дал ему очень тяжелое поручение: он должен был сказать Мане всю правду о гибели её отца.

Лиду он сразу узнал и поздоровался с ней.

— А это моя мама, — сказала Лида.

Он спросил Марью Васильевну, где Маня.

— Маня в комнате.

Но у него нехватило смелости сразу же итти к Мане, и он всё медлил на веранде. Он рассказал Марье Васильевне, какое поручение дал ему Корольков.

— А нельзя ей потом сказать? Не сегодня? — спросила Марья Васильевна.

Она выпрямилась с тряпкой в руке и откинула рукавом волосы, упавшие на лицо.

— В том-то и беда, что нельзя, — сказал Макар Макарыч.

— Почему?

— Потому что немцы бегут, и нам здесь нечего больше делать. Сегодня вечером наш катер уходит далеко на запад. А без нас здесь Маню оставить невозможно. Лейтенант Корольков хочет, чтобы она сегодня же уехала в Баку, к своей тёте.

— Она мне говорила, что никогда не видела этой тёти, — сказала Лида.

— Да ещё неизвестно, как тётя её встретит, — проговорил Макар Макарыч угрюмо. — Тёти разные бывают... Вот если бы у меня был свой дом...

Он пересилил себя и вошёл в дом. Когда дверь за ним закрылась, Марья Васильевна несколько раз в волнении прошлась по веранде. Потом она снова стала мыть пол, но поминутно останавливалась и прислушивалась к тому, что происходит за дверью. Она слышала голос Макара Макарыча и голос Мани. Голос Мани был спокойный и даже весёлый.

«Нет, он, видно, ещё ей не сказал, — думала Марья Васильевна. — Когда же он ей скажет?»

Она ждала долго, очень долго. И вот наконец дверь открылась, и Макар Макарыч вышел на веранду.

— Ну? — спросила Марья Васильевна.

— Не могу, — проговорил Макар Макарыч. — Пойду доложу лейтенанту, что не могу. Сорок раз собирался сказать и — не сказал. Смелости нехватает...

— А она сама... не догадывается?

— Не знаю, — ответил Макар Макарыч, подумав. — Иной раз так грустно взглянет, будто ей всё известно. А потом опять весела... Не знаю...

Помолчав, он внезапно спросил Лиду:

— Она сегодня папиросы набивала?

— Набивала, — сказала Лида.

— Ну, значит, всё ещё ждёт...

Он пошёл к калитке. Пройдя несколько шагов, остановился и проговорил:

— И всё-таки ей придётся ехать к тёте...

— Ни к какой тёте она не поедет! — сказала Марья Васильевна.

— Не поедет? — удивился Макар Макарыч. — Но не может же она жить одна в пустом доме?

— Она не будет жить одна в пустом доме, — сказала Марья Васильевна.

— Где же она будет жить? — спросил Макар Макарыч.

— У меня. Это решено уже давным-давно. Правда, Лида?

Лида с удивлением смотрела на мать. Она в первый раз слышала о желании Марьи Васильевны взять Маню к себе.

— Ах, да, я, кажется, забыла тебе об этом сказать, — продолжала Марья Васильевна. — Но я знаю, ты будешь очень рада. И муж мой, когда вернётся с фронта, тоже будет рад...

— Вы очень хорошая женщина, — сказал вдруг Макар Макарыч, — и я доложу об этом лейтенанту.

Он ушёл. Марья Васильевна убежала на кухню, и Лида осталась одна. Её мучила тоска. Этот день, такой счастливый для всего города, был для неё днём горя. Она уже знала, что Катя не вернулась с берега, захваченного немцами.

Лида сидела на крылечке, в тени виноградных листьев, спиной к веранде, и штопала чулок. Ей никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось говорить.

Маня вышла на крыльцо и села рядом с Лидой.

— Правда, она удивительная девочка? — сказала Маня.

— Да, удивительная.

— Я очень хочу с ней подружиться,— сказала Маня.— Мы будем дружить втроём — ты, я и Катя. Макар Макарыч говорил, что Катя вместе с ним была на том берегу и они вдвоём искали там моего папу. Правда это?

— Он ничего больше тебе про Катю не говорил? — спросила Лида.

— Больше ничего. А ты ещё что-нибудь знаешь?

В эту минуту на кухне раздался голос Марьи Васильевны:

— Маня!

— Иди, иди, моя мама зовёт тебя обедать, — сказала Лида поспешно.

— Ты что-то знаешь про Катю, — сказала Маня встревоженно. — Что с ней случилось?

— Манечка! — крикнула Марья Васильевна.

— Иди! — повторила Лида. — Мама обидится, если ты не пойдёшь.

И Маня ушла.

Тоска мучила Лиду. Бедная Катя!.. Не выдержав, Лида встала, отложила чулок и пошла по улицам — побродить.

Веранда надолго опустела. Только Петя изредка пробегал мимо, крича: «В атаку!», и стрелял из рогатки.

Потом калитка отворилась, и в сад вошли Корольков и Макар Макарыч.

— Нет, нет, Макаров, так нельзя, — говорил Корольков. — Мы не можем уехать, не доведя этого дела до конца. Мы всем обязаны капитан-лейтенанту, и его дочь должна быть устроена. Я охотно верю, что Марья Васильевна очень хорошая женщина. Но прежде всего нужно спросить Маню, где она сама хочет жить. А чтобы спросить её, ей надо всё рассказать.

Он решительно зашагал к веранде.

— Я понимаю, как это трудно, — продолжал он, — но тут нужна твёрдость!

— Есть твёрдость, товарищ лейтенант! — сказал Макар Макарыч.

Они поднялись по ступенькам.

— Если вы не можете, я сам ей скажу, — объявил Корольков. — Где она?

— В комнате, наверно.

Корольков подошёл к двери и хотел постучать. Но перед дверью помедлил, переступая с ноги на ногу.

— Всё-таки страшно, Макар Макарыч, — сказал он.

ПОБЕДА

Как повеселели улицы городка со вчерашнего дня! Конечно, развалины домов торчали повсюду попрежнему. Но народу сразу стало гораздо больше, — все вышли на улицу, все гуляли. На лавочках возле ворот сидели старые женщины, как до войны. Оказалось, что и детей в городе не так уж мало. По главной улице провезли захваченные у немцев танки с чёрными крестами, и за ними бежала целая стая мальчишек. Все рассказывали об огромном сражении, которое началось ночью возле города, о прорыве фронта, о том, что немцев отогнали уже на шестьдесят километров. Много говорили и об удивительном подвиге маленького катера «Морской охотник», который ворвался в укреплённую немцами бухту и потопил подводную лодку. И передавали такие подробности, словно видели всё своими глазами.

Лида шла по улицам и старалась ни на что не смотреть. Если бы с нею была Катя, как радовались бы они обе сейчас! Но Кати нет, она её не встретит ни за тем углом, ни за этим.

Незаметно дошла она до большого сапога на разрушенном домике Дракондиди. Она оглянулась, чтобы поглядеть, не смотрит ли на неё кто-нибудь,—так требовала Катя,—и вошла в дверь. Как всегда, вспугнутая ею птичка вылетела в пролом крыши. Лида вышла в сад, такой знакомый, полный весёлого солнечного света, и пошла, раздвигая листья руками.

Этот сад она с Катей считали своим. Здесь встречались они каждый день, здесь каждый уголок, каждый камень был родным для них. Лиде казалось, что вот-вот раздвинется листва, и она увидит Катю, тоненькую, чёрненькую, с блестящими глазами. Но Кати здесь не было и никогда уже больше не будет.

Лида вышла на улицу и, почти ничего не видя, потому что глаза её были полны слёз, пошла назад, к домику Мани. У калитки она остановилась и взглянула через ограду на веранду... и чуть не упала от неожиданности.

На веранде стоял высокий морской офицер и рядом с ним — Катя!

Лида хотела закричать, но у неё пропал голос; хотела побежать, но ноги не слушались её.

— Вы не забыли, что вы мне обещали?— слышала она Катин голос.— Вы сядете в своё кресло, на то место, где вы всегда сидели, и будете сидеть с самым спокойным видом, будто никогда и не уезжали.

— А мне, признаться, так и хочется крикнуть во всё горло: «Маня!» — сказал офицер.

— Что вы! Что вы! — Катя испуганно замахала на него руками. — Вы мне всё испортите!

— Ну, ну, я пошутил, — сказал офицер. — Я никогда не нарушаю своих обещаний. Раз обещано — значит, обещано.

Тут Лида наконец справилась со своими ногами. Она распахнула калитку, вбежала в сад и хотела уже было крикнуть: «Катя!» Но Катя заметила её и приложила палец к губам. И Лида не крикнула.

— Тише, Лидочка, милая, тише! — зашептала Катя, кидаясь к ней навстречу и обнимая её. — Это всё пока тайна. Если ты крикнешь, ты мне всё испортишь! Я так замечательно придумала. Пускай никто, никто ничего не знает. Вот мы их удивим!

В эту минуту дверь на веранду отворилась, и на пороге появился Корольков. Он стоял к веранде спиной и разговаривал с Маней, которая была там, перед ним, в комнате.

— Мне пора уходить... — говорил он, запинаясь. — Но перед уходом я обязан сказать тебе... Я должен сказать тебе... что наш любимый командир, что твой отец...

— Папочка вернулся!

Это крикнула Маня. Она увидела через дверь сидящего в кресле офицера, кинулась к нему, прижалась к его плечу.

Корольков обернулся. Лицо его засияло от удивления и радости. Он онемел и застыл. Рядом с ним стояли Макар Макарыч и Марья Васильевна, тоже онемевшие и застывшие.

Однако уже через мгновенье Корольков очнулся. Он твёрдым шагом подошёл к Маниному папе, приложил руку к козырьку своей фуражки и сказал:

— Товарищ капитан-лейтенант, разрешите доложить, ваше приказание выполнено. Подводная лодка потоплена.

Манин папа поднялся с кресла.

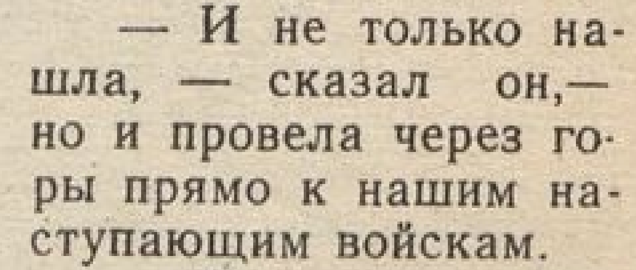
— Спасибо, Корольков.

Он взял Королькова за плечи, притянул к себе и поцеловал.

Катя шопотом сказала Мане:

— Вот видишь, я обещала тебе найти твоего папу, и нашла его.

Манин папа услышал её.

— И не только нашла, — сказал он,— но и провела через горы прямо к нашим наступающим войскам.

— Ты самая хорошая девочка на свете!—воскликнула Маня.

Манин папа положил руку на Катину голову.

— У неё только один недостаток,—сказал он.— Она слишком любит тайны.

Рис. К. КУЗНЕЦОВА

Ребята! Напишите рассказ по этой картинке, а картинку раскрасьте.

На обложке—рис. В. ВЫСОЦКОГО: «В школу».

Год издания двадцать второй **Цена 2 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: С. М. АЛЯНСКИЙ, А. П. БАБУШКИНА (отв. редактор), В. В. БИАНКИ, Ю. А. ВАСНЕЦОВ, В. В. ЛЕБЕДЕВ, С. В. МИХАЛКОВ, А. К. ПОКРОВСКАЯ, К. А. ФЕДИН, И. И. ХАЛТУРИН, К. И. ЧУКОВСКИЙ, Е. Л. ШВАРЦ. Техред. З. ТЫШКЕВИЧ.
Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 0-18-23. Подписано к печати 3/X 1945 г. А21948. Объём 3 печ. л. 2,7 уч.-изд. л. 32 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ № 1111.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Рис. М. БУТРОВОЙ

Дети эвенков едут в школу.